

14. КРЕМЕНЬ-ТРАВА

Родословная семьи Кременьчуков — в двухсотлетней деревне Лучки. В 1910 году эта деревня, состоящая тогда из тридцати домов, уменьшилась наполовину. Пятнадцать дворов снялись с насиженных мест и сели на отрубках одиночными хуторами в радиусе трех километров окрест.

Председатель Совета Министров России Петр Столыпин проводил земельную реформу, имеющую цель вживить крестьянина в собственную землю и вырастить из него средний класс, опору державы. Государственный деятель умело затронул тонкие струны крестьянской души. Деревня Лучки с готовностью отозвалась.

Финансовое благоволение властей и практическая помощь деревенского мира обеспечили молниеносность переселения. Вчера дом раскатали на пронумерованные бревна, погрузили на подводы — сегодня он стоит, собранный на новом месте, а еще через день в нем сложена и затоплена печь, и мальчишки бегут смотреть дымок над крышей.

Первых мгновений хуторского новоселья мой герой Иван Петрович Кременьчук не помнит, так как на новое житло явился в утробе матери, которая разрешилась им спустя два месяца после переезда. Он был на хуторе четвертым мужиком — после отца и двух братьев пяти и трех лет. Что было весьма кстати: хуторская жизнь процветает благодаря мужским рукам.

Хутор Кременьчуков был лесной. С трех сторон сосна-береза, с четвертой лозняк-болото. Поле в полтора гектара с утра до ночи требовало работы, работы, работы. А отцу — мало. Взял в Крестьянском банке ссуду и купил два гектара за леском, в полукилometре. На хуторе, в пристройке, поселились еще два мужика — наемные работники. На время уборки отец нанимал женщин. Человек пять-десять, в зависимости от урожая и погоды.

Всю хуторскую работу мой земляк успешно освоил к семи годам. Сегодня, предаваясь воспоминаниям, он не жалуется, что на хуторе было тяжело, что отец был жесток к сыновьям-работникам. Послушайте, что говорит восьмидесятисемилетний Иван Кременьчук. Белый, бородатый, как Лев Толстой, он приехал на свой хутор велосипедом. Сел отдохнуть на скамеечку. Я слушаю:

"Лучшее место человеку — хутор. Рано утречком встал, покосил. Солнышко припекло — полежал в теньке. Отдохнул — пошел с граблями, повернул сенцо. Солнышко опустилось — опять покосил. Комарик зазвенел — позвал на огород, поливать огурцы, помидоры, капусту. Управился с огородом — аккурат время идти за коровкой. На хуторе жить — веку служить."

Ни больше, ни меньше — веку! То есть, выражаясь высоким слогом, вечности. Быть вечным, как природа. Не потому ли человека так тянет к себе хутор?

В 1943 году на дороге, при которой стояла деревня Лучки, партизаны напали на немецкую машину. В отместку немцы подожгли в Лучках все пятнадцать хат. Затем выжгли окрестные хутора, лесные и полевые.

Хутор Кременьчуков состоял к тому времени из трех домов. Старшие братья, женившись, поставили себе отдельные дома, а младший, Иван, жил со своей семьей и матерью в доме отца, уже умершего. Все Кременьчуки-погорельцы вновь оказались в деревне. В землянке, как все Лучки.

В 1944 году Лучки освободила Красная армия. Трое братьев Кременьчуков были призваны на войну. Два старших не вернулись. Младший, Иван, пришел из армии в 1946-м.

Семья жила в землянке. Сельский совет оказывал погорельцам помощь — деньгами, скотом, деревом. С непременным условием: строиться только в деревне. Иван рвался на хутор. Там камня родного дома, своя земля. Его вызвали в сельсовет и сказали, что Кременьчуки на фронте смыли кровью кулацкое прошлое, а ты, значит, возрождаешь...

Пришлось ставить дом и хозяйство в деревне Лучки.

Но порвать с хутором Иван не смог. Расчистил усадьбу от набежавших осинок, березок, посеял рожь. Колхоз "Победа" ее запахал. В следующем году хозяин посадил картошку, которую колхоз тоже запахал. Тогда хозяин посеял на своем поле траву. Собрал семена разных луговых трав, рассеял на своем домовище. Он знал, что траву колхоз "Победа" не считает сельхозкультурой. Хозяин рассчитывал спасти под травой свою землю. Если траву регулярно подкашивать, она победит сорняки и лес.

Траве Ивана Кременьчука скоро полвека, но как зелена! Народ увековечил ее в местной топонимике: Кремень-Трава. Так зовут лесную поляну со скамеечкой на берегу травы.

Дважды Кремень-Траве угрожала смертельная опасность. Первый раз она исходила от местного лесничества, которое делало хорошее дело, — засаживало бросовые земли сосной. Дошел черед до Кремень-Травы. Тракторист, прибывший туда нарезать борозды под сосенки, увидел на поляне Ивана Кременьчука, вооруженного топором и косой. "Уезжай отсюда!" — сказал Кременьчук. Тракторист, поняв, уехал. А лесничество о поляне забыло.

Второй раз на Кремень-Траву позарился колхоз "Победа". Председатель запланировал устроить там летний лагерь для коров. Колхозных коров пасли

на соседнем болоте, осушенном, пыльном, а доить намеревались в красивом, гигиеничном месте, на лесной поляне. Иван Кременьчук при полном вооружении дежурил на поляне все лето. Председатель решил не связываться с кулацким отродьем и отступил.

В поведении моего героя было бы трудно отыскать логику, если бы вековая история не завершилась единственно возможным вариантом — возвращением. В 1992 году, на восемьдесят втором году жизни, Иван Кременьчук принял решение вернуться на хутор.

"Не дури, батька! — сказал ему сын, который жил в Лучках в своем доме, работал трактористом в "Победе", как все трактористы, ежедневно напивался, а напившись, бил жену, разгонял детей, материл председателя за малую зарплату и за собачью жизнь. — Сиди, батька, на печке, при электричестве, смотри телевизор. Перевозить тебя в лес не собираюсь."

Была и дочь в Бресте. А у нее был сын Иван. Когда он был маленький и на каникулы приезжал к деду в деревню, они частенько ездили велосипедом на поляну Кремень-Трава. Косили там, убирали мусор, ремонтировали скамейку, на которой подолгу сиживали, вспоминая хуторскую жизнь. Внук Иван работал в Бресте прорабом на стройке, почему-то не женился. Чего-то ждал, хотя вот-вот тридцать. На него у деда Ивана была последняя надежда.

Робкий намек о переезде на хутор внук встретил восторженно: "Давай, дед! Я помогу. Разведем пчел. Кое-что про это я читал. Дело прибыльное. Сделаем бизнес. Никто нам не указ."

Дед и внук профессионально изучили полувековой дом, остались им довольны. Дом стоял на дубовом венце, прочно связанном в углах. Решили перевозить его в собранном виде. Разобрали и вынесли только печь.

Под углы дома были поставлены домкраты. Дом приподняли, подвели под него бревна-сани.

Взревел гусеничный трактор. Напрягся буксирный трос. В дымном грохоте дом неслышно вздохнул и — тронулся. Но дед Иван услышал голос своего дома. Это с величайшим облегчением вздохнула его хуторская душа.

Перевезенный дом поставили точно на то место, где стоял сгоревший в 1943 году. Месяц обустроивались: под нижний дубовый венец подкладывали фундаментные блоки, собирали печь, городили по поляне забор, строили сарай для коровы и свиньи.

Работали от темна до темна. Вечером зажигали на полчаса керосиновую лампу, чтобы при ней поужинать. Говорили мало, оба были молчуны. Молча

ужинали, слушая, как за окнами живет ночной лес, от вздохов которого пламя в лампе наклонялось то в одну, то в другую сторону.

"Завтра, дед, займусь лампочкой Ильича", — говорил Иван-внук. "Ага, темновато", — отвечал Иван-дед. Оба Ивана смотрели на слабенький домашний огонек, оба думали об одном: темновато. Привыкли к цивилизации — к электричеству.

План подключения хутора к цивилизации Иван-младший разработал еще до переселения. В полукилометре от хутора, на осушенном болоте, стояла электрифицированная травяная мельница соседнего совхоза. Соединить хутор с источником тока Иван решил при помощи подземного кабеля, который купил за символические деньги у прапорщика на военном аэродроме. С местными трактористами Иван устанавливал контакт быстро, они нацепили на трактор огромный зуб, без проблем зарыли кабель вдоль дороги, шедшей мимо хутора к мельнице.

Переговоры с директором совхоза завершились успешно. Тот знал, что Иван строительный прораб, и в обмен за подключение к мельнице попросил бочку клеящей эмульсии. Когда Иван доставил в совхоз эмульсию, директор сказал, что на всякий случай надо бы Ивану съездить в районные электрические сети и получить там официальное разрешение подпитаться от подстанции.

В электросетях подпитать Ивана цивилизацией не отказались, уточнили название и месторасположение "объекта энергополучателя". "Кремень-трава, — ответил Иван, — три километра от деревни Лучки, полкилометра от мельницы совхоза." — "Давайте план землеустройства участка и проект электролинии." — "У меня нет", — сказал Иван, предчувствуя проблему. "Без этих документов подключать к подстанции вашу Кремень-траву все равно что подключать воздух. Это несерьезно, вы же инженер-строитель, должны понимать."

Проблему с электричеством дед Иван встретил спокойно. Сказал внуку, что большую часть жизни прожил при лампе, проживет и остаток, а пчелам никакое электричество не нужно, им нужны хорошие медоносы и хороший уход, медоносы есть, приболотье в цветах, в лесу вереск, на хуторе липы до неба, а уход зависит от нас.

Зиму оба Ивана мастерили ульи. Сделали тридцать штук. Весной на хуторе Кремень-трава жили тридцать одна семья — тридцать пчелиных и одна людская. Они трудились лето. Осень принесла им два огромных бидона меда. Один бидон продали за четверть цены жителям окрестных деревень, которые шли на хутор толпами. Между дедом и внуком произошло первое

препирательство. Внук не хотел отдавать мед дешево. Дед рассердился, день не разговаривал. Когда оттаял, объяснил внуку, что если мы тут, на хуторе, будем обижать односельчан, будем с них за мед три шкуры драть, то они станут к нам относиться как к волкам, а мы же с тобой люди.

Другой бидон Иван отдал на брестском рынке перекупщикам. Подвели итоги. На меде можно жить. Если количество пчелосемей довести до ста, если нанять своего продавца на рынке, если бросить прорабство и перебраться на хутор, то можно стать человеком. А если еще провести электричество, то будет и телевизор, и магнитофон, и электропила, и центрифуга, и стиральная машина...

Иван-внук поставил в багажник своей подержанной иномарки пару банок меда, поехал в сельсовет. "Здоров, бизнесмен-захватчик!" — поприветствовал его председатель совета, который о самовольном строительстве Кременьчука на хуторе знал, но официально не реагировал. Мед он принял с благодарностью. Подумал, составил Ивану план легализации объекта Кремень-трава.

Первое: нужны доказательства, что эта трава когда-то была собственностью деда Кременьчука. Поскольку документов нет, нужны свидетельские показания, что в 1910 году земельный участок был выделен прадеду Кременьчуку. Второе: чтобы обойтись без канители с районной архитектурой, считать перевезенный дом Кременьчука не хутором, а отдельно стоящим домостроением деревни Лучки.

Повезло, что не кончился двадцатый век и в деревне Лучки жила его ровесница бабка Санька, которая ясно, будто было вчера, помнила, что Кременьчук Петя перевозил свое хозяйство на девяти подводах, к девятой подводе привязали его корову Малину, она упиралась, а деревня потешалась, кто кого перетянет, конь или корова. Благодаря памяти и свидетельству бабки Саньки сельский совет опустил дом Кременьчука с воздуха на землю.

Решение сельсовета о выделении земельного участка узаконивает райисполком. И он не узаконил. Бабка Санька не документ, чтобы его подшить к нестандартному делу о наследовании хутора, выделенного царской властью. Нужна справка из архива. Кроме того, нам здесь, в исполкоме, известно, что вы на хуторе развили бурную предпринимательскую деятельность, а налоги государству не платите. Рекомендуем зарегистрироваться как фермеру.

Ивану-внуку повезло, что столыпинская земельная реформа задумывалась как долговременное государственное дело и скрупулезно документировалась. Аккуратные царские чиновники словно знали, что в

конец века кому-то понадобятся их рукописные бумаги, обнаруженные Иваном-внуком в историческом архиве.

Переселение на хутор было серьезным мероприятием. Не каждому сельский сход давал рекомендацию сесть на свою землю, а вот прадеду Петру дал, отметив его трудолюбие. Иван с волнением смотрел план хутора с обозначением сторон света, с привязкой к доминантам местности, среди которых главенствовало "вековое непроходимое болото три версты в ширину и четыре версты в длину".

Деда Ивана зарегистрировали в исполкоме как "частного предпринимателя без образования юридического лица". Внук Иван значился "наемным работником, привлекаемым для сезонных работ". Поляна Кремень-трава в земельном паспорте была переименована в "урочище", переданное в пожизненное наследуемое владение. На оформление документов потребовалось два года.

Еще год ушел на изготовление проекта электролинии, на шуры-муры с архитектурой, пожарниками, санстанцией, энергонадзором, геологической службой, лесничеством, охраной природы. Все хотели непременно видеть кабель. Но кабель был в земле. Все получали трехлитровую банку меда — и успокаивались. И, подмазанная медом, по кабелю на хутор примчалась ослепительная цивилизация.

Несмотря ни на что на хуторе трудились шестьдесят пчелиных семей. Они не позволяли Ивану-внуку упасть в неравной борьбе с государством, потому что заставили его завестись и трудиться так же, как они.

Летом 1996 года на хуторе появились трутни. Их было пятеро. Приехали на запыленном черном "Мерседесе". Попросили воды, чтобы попить, помыть машину. Спросили, не страшно ли жить в лесу, где полно волков и комаров. Предложили свою охрану. Мы вас будем охранять, а вы нам за это — платить. Мы знаем, что вы еще без денег. Для начала дадите пятьдесят килограммов меда. Половину с первой выкачки, половину со второй. У вас, видно, много, шестьдесят домиков, а под навесом еще столько сколочено. Не жалейте, дедушка, вам хватит, а внучек у вас понятливый, городской, о наших способностях слышал. Так что договорились. С этого дня волков и комаров не бойтесь. Медок-то имеется? "Не имеется! — сердито ответил дед. — Не время." — "И внучек такой жадный?" — "Литра три найду. Остатки, — сказал внук, — сейчас не сезон."

Когда Иван увольнялся, друзья говорили: на твой мед слетится рэкет со всей области. Он и сам знал. Но надеялся, что пронесет. Не пронесло.

Придется кормить трутней. Это закон. Где пчелы, там трутни. Дед, как маленький. Будто ни разу в жизни не видел трутней. От гнева захворал. Пробьемся, дед, выпей для успокоения водочки, скоро осень, накачаем медку.

Осенью трутни явились на хутор. Иван был с медом в Бресте, вместе с нанятым продавцом стоял на рынке за прилавком. Уезжая, предупредил деда, что если прикатят те, дать им литров двадцать, остальное пообещать позже. Но дед не дал ни грамма. "Сколько тебе лет, дедушка?" — вежливо спросили они. "Столько, как вам, трутни, всем вместе!" — "Так много! И ничему не научился? Сейчас научим."

Четверо держали деда. Один взял из машины бензину, облил пять ульев, бросил спичку. "Для начальной учебы" они намеревались сжечь пять домиков. Было ветрено, ульи стояли тесно, подступали к стене дома. За пару минут пламя охватило на поляне все жилье — пчелиное и людское. Трутни попытались тушить. Затем удрали.

Дед Иван успел выпустить из сарая корову и свиней, отогнал их на безопасное расстояние, больше ничего не делал. Было бесполезно. Стоял и смотрел. Огонь выжигал последнюю синеву из его глаз. Дед даже не заметил, как из соседних деревень набежали люди и принялись тушить загоревшийся лес.

Мой рассказ документален, потому бесконечен. Его продолжение я видел весной 1998 года, побывав на поляне Кремень-трава. Второй раз в двадцатом веке ее пустили огнем. Но земля не может быть вечно обугленной, потому что на ней обитают травы и люди.

На поляне Кремень-трава я видел маленькую птичку, которая принесла травяное семечко. Эта птичка называется надежда.

На поляне строили кирпичный дом. Ивану-младшему помогали добровольцы из ближних деревень. Существенно помог директор совхоза, разрешив разбирать на стройматериалы мельницу. Болото высохло настолько, что трава там не росла, мельница стала не нужна.

Электротрансформатор возле мельницы сохранили, но он грозился стать для хутора разорительной гирей. Приезжал человек из электросетей, сообщил, что за обслуживание трансформатора и трехкилометровой линии к нему платить должно индивидуальное хозяйство "Кремень-трава".

Иван-старший занимался строительством жилья для пчел. Лесничество разрешило использовать подгоревший лес, а колхоз помог распилить его на

доски. Пятнадцать пчелосемей уже заселили новые ульи и вовсю трудились, носясь по поляне и пугая строителей.

В разгар рабочего дня на поляне обнаружился потертый "жигуль". Из машины вылез степенный мужчина с черным портфелем. Спросил у людей, кто тут хозяин. Позвали Ивана-младшего. Тот подошел, недовольный, что отвлекают. Отпустив бороду, внук стал похож на деда.

Приезжий спросил, получал ли частный предприниматель Кременьчук три письма из налоговой инспекции. Иван ответил утвердительно. Приезжий спросил, почему не явились и не уплатили налоги по итогам хозяйственной деятельности в прошедшем году. Иван вспыхнул: "Какая деятельность! Сгорело все." — "Но продукция получена и реализована. Вы обязаны рассчитаться с государством." — "Сколько государство просит?" Налоговик назвал сумму. Иван не поверил. Попросил повторить. Не сдержался, закричал: "Чтобы наносить столько меда вашему государству, пятьдесят пчелосемей должны отработать сезон, не оставить себе на зиму ни грамма, подохнуть. Государственные трутни это понимают?"

Иван сходил за дедом. Попросил налогового еще раз назвать сумму. Спросил у деда: "Что будем делать?" — "Дрова", — сказал дед непонятно. "Что ты имеешь в виду, дед?" — "Пойду порублю ульи. Потом положу их в печь."

1999